продолженіе

СМѢСИ

изъ

Сочиненій

Г. ВОЛТЕРА

Часть II.

Печатано съ указнаго дозволенія.
1789 *года.*

Неустройство Натуры,

Индѣйское Приключенiе.

Пиѳагоръ во время пребыванiя своего въ Индiи учился, какъ то всѣмъ извѣстно, въ училищѣ *Гимнософистовъ*, языку животныхъ и растѣнiй. Прохаживаясь однажды по лугу не подалеку отъ морскаго берега услышалъ онъ сiи слова: какъ я нещастна, что родилась травою! лишь только выростаю я на два дюйма вышины, какъ пожирающее чудовище, страшное животное топчетъ меня своими широкими лапами; челюсть его вооруженная двумя рядами острыхъ серповъ, меня подсѣкаетъ, терзаетъ и поглощаетъ.

Люди называютъ сїе чудовище *бараномъ*. Я не думаю, чтобъ была въ свѣтѣ гнуснѣе его тварь.

Пиѳагоръ пошелъ далѣе и нашелъ устерсу, которая на маленькомъ камнѣ зѣвала. Онъ еще не слѣдовалъ оному удивительному закону, который запрещалъ ѣсть подобныхъ намъ животныхъ. Едва хотѣлъ онъ проглотить устерсу, какъ она произнесла сїи жалостные слова: о Натура! колико трава, которая такое же какъ я произведенїе твое, есть благополучна! когда ее выкосятъ, она опять выростаетъ, она безсмертна; а мы бѣдные устерсы, мы тщетно покрыты двойною латою; злодѣи съѣдаютъ насъ за завтрекомъ по двенадцати, и мы уже на всегда погибаемъ. Какая ужасная судьба устерсы, и какїе люди варвары!

Пиѳа-

Пиѳагоръ содрогнулся; онъ почувствовалъ мерзость злодѣянія, кое хотѣлъ было учинить; съ плачемъ просилъ у устерсы прощенія, и опять положилъ ее на камень весьма бережно.

Когда возвращаясь въ городъ размышлялъ онъ глубокомысленно о семъ приключеніи, то увидѣлъ онъ пауковъ, кои пожирали мухъ; ласточокъ, кои поглощали пауковъ; копчиковъ, кои ласточокъ поядали. Всѣ сіи животные, сказалъ онъ, не суть философы.

Пиѳагоръ вошедши въ городъ былъ толкнутъ, задѣтъ, опрокинутъ, множествомъ нищихъ, кои бѣжали крича: ето хорошо здѣлано, ето очень хорошо здѣлано; они того весьма достойны. Кто? что? вопрошалъ Пиѳагоръ, подымаясь; а люди все бѣжали сказывая: Ахъ!

 какъ

какъ намъ будетъ весело глядѣть, какъ ихъ будутъ на огнѣ жарить!

Пиѳагоръ думалъ, что они говорили о чечевицѣ или о какихъ другихъ растѣнїяхъ, но совсѣмъ не о томъ, а вмѣсто того о двухъ бѣдныхъ Индѣйцахъ. Ахъ! сказалъ Пиѳагоръ, конечно ето два великїе философа, коимъ жизнь наскучила: они желаютъ возродиться въ другомъ видѣ; домъ весело перемѣнять, хотя и въ новомъ равно жить скучно: о вкусахъ спорить не должно.

Онъ дошелъ съ толпою до всенародной площади, а на оной увидѣлъ большой костеръ зажженой, а на супротивъ того костра скамью, которую называли *Трибуналомъ*, а на сей скамьѣ судей, а всѣ тѣ судьи держали въ рукахъ коровей хвостъ, и имѣли на головѣ шапку совершенно похожую на уши того

живот-

животнаго, на которомъ *Силенъ* прибылъ нѣкогда съ Бахусомъ въ свое отечество, переѣхавъ Эритрейское море не омоча ногъ, и остановивъ солнце и луну, какъ то вѣрно въ Орфическихъ книгахъ повѣствуютъ.

Между сими судьями былъ одинъ честный человѣкъ, весьма знаемый *Пиѳагоромъ*. Индѣйскій мудрецъ изъяснилъ мудрецу Самоскому, по какому случаю учреждается праздникъ для народа Индѣйскаго.

Два Индѣйца, сказалъ онъ, не имѣютъ ни какого желанія быть сожженными. Важные сотоварищи мои осудили ихъ на сію казнь, одного за то, что сказалъ, яко бы Ксакса не одного существа съ Брамою; а другаго за то, что думалъ, будтобы можно угодить добродѣтелію, не державъ умираючи, корову за хвостъ; ибо, говоритъ онъ, можно

быть во всякое время добродѣтельнымъ, и что не всегда можно найти корову въ нужное время. Простодушныя горожанки такъ были испуганы сими двумя еретическими предложенїями, что онѣ судьямъ не дали покою до тѣхъ поръ, пока они не приговорили къ казни сихъ двухъ нещастныхъ.

Пиѳагоръ судилъ, что отъ травы даже до человѣка, многїе имѣли причину роптать на свою судьбу; однакожъ заставилъ онъ судей и набожницъ согласиться на то, что справедливо. И сїе случилось одинъ только сей разъ.

По томъ пошелъ онъ въ Кротонъ проповѣдывать вѣротерпѣнїе; но нѣкоторой нетерпящїй иновѣрїя зажегъ его домъ. Онъ сгорѣлъ, онъ, которой избавилъ двухъ Индѣйцовъ отъ пламени. *Спасай кто можетъ.*

Споръ

между Азïатскимъ Туркомъ и Европейцомъ.

Турокъ.

Невѣрной! ты, къ коему я впрочемъ чувствую особливое почтенïе, можешъ ли укорять меня за то, что я имѣю четырехъ женъ по закону моему, въ то время, когда ты опоражниваешъ въ день по крушкѣ вина, а я ни капли не пью? Какое дѣлаешъ ты въ жизни добро, провождая больше времени за столомъ, нежели я въ постѣли? Я каждой годъ могу доставить четырехъ гражданъ своему государю и отечеству, а ты едва ли можешъ произвести

одного; да и въ томъ рожденномъ отъ пьяницы, можетъ ли быть прокъ? Мозгъ его помраченъ парами вина выпитаго отцомъ. Что мнѣ прикажешъ дѣлать, когда двѣ мои жены въ родахъ? Не нужно ли тогда имѣть еще двухъ, какъ законъ нашъ повелѣваетъ? Что дѣлаешъ ты, чемъ утѣшаешся, когда твоя жена беременна, когда родитъ и когда больна? По нуждѣ бываешъ долженъ терпѣть или искать себѣ другой жены. За таковое беззаконіе возведутъ тебя на островерхой мостъ и низвергнутъ во преисподнюю.

Положимъ, что во время войны теряемъ мы сто тысячь оруженосцовъ; посему случаю остается у насъ около ста тысячь дѣвицъ. Кому же ихъ призрѣть какъ не богатымъ. Горе хладнокровному музулману,

зулману, которой отречется дать у себя убѣжище четыремъ дѣвицамъ, яко законнымъ своимъ супругамъ, и не окажетъ имъ уваженія, коего онѣ достойны.

Примѣтилъ ли ты, какъ живетъ дневная труба, которую ты называешъ пѣтухомъ, какъ поступаетъ смирной баранъ, начальникъ своего стада, и полновластный между коровами быкъ? Не у всякаго ли изъ нихъ своя сераль? Тебѣ нельзя упрекать меня за четырехъ моихъ женъ тогда, когда нашъ великій пророкъ Магометъ имѣлъ восемьнатцать, а иной семь сотъ выключая наложницъ. Ты видишъ, сколько я воздерженъ. Перестань укорять обжорствомъ мудраго, которой въ столѣ своемъ наблюдаетъ умѣренность. Я позволяю тебѣ пить; не запрещай мнѣ имѣть перемѣнныхъ женъ.

Оста-

Оставимъ каждаго жить по обычаю своей земли. Твоя шляпа сошита своимъ покроемъ, а моя чалма своимъ. Твои нарукавья (манжеты) и твой короткой кафтанъ не могутъ быть образцомъ моему доломану (длинное Турецкое платье). Допивай свое кофе и иди лобызайся съ своею супругою!

Европеецъ.

Проклятой музулманъ! собака негодная! я не могу допить моего кофе, пока не обличу тебя во лжѣ. Кто имѣетъ четырехъ женъ, тотъ держитъ у себя четырехъ гарпій *), кои безпрестанно другъ на друга клевещутъ, враждуютъ и дерутся. Домъ обитаемой ими есть вертепъ не

*). Гарпія есть баснословное чудовище, представляющее одну половину дѣвическаго вида, а другую птичьяго.

несогласія: ни одна изъ нихъ тебя любить не станетъ. Каждая владѣетъ только четвертою частію тебя самаго и не можетъ удѣлить тебѣ больше, какъ только такую же часть своего сердца. Ни которая изъ нихъ не доставляетъ тебѣ пріятности жизни; онѣ живучи въ заточеніи и не видя ничего, бываютъ предъ тобою нѣмы; кромѣ тебя никого не знаютъ и слѣдовательно ты имъ скученъ. Ты ихъ властной повелитель и за то онѣ больше тебя ненавидятъ. По необходимости содержишъ ты Евнуха, для смотрѣнія за ними, которой ихъ стегаетъ прутомъ, если онѣ чрезчуръ зашумятъ. Можешъ ли ты равнять себя съ пѣтухомъ? Приставляетъ ли онъ когда нибудь каплуна для наказанія своихъ курицъ? Заимствуй свои правила отъ

скотовъ,

скотовъ, уподобляйся имъ сколько тебѣ угодно; но я, я хочу любить по человѣчески. Отдаю все мое сердце, и обладаю во всей полнотѣ сердцемъ моей любезной. Сего же дня въ вечеру разскажу я сей разговоръ моей супругѣ и чаю что она тѣмъ будетъ очень довольна. Что же касается до вина, за которое ты меня порицаешъ, то знай, что въ Аравїи пить оное дурно, а въ Европѣ весьма хорошо. Прости!

ТУКТАНЪ И КАРПОСЪ

или

Разговоръ Паши Туктана и Садовника Карлоса.

Туктанъ.

Ну, другъ мой Карпосъ, ты свои овощи дорого продаешъ; но они хороши. . . Какой ты теперь вѣры?

Карпосъ.

Право, мой Паша, для меня очень трудно сказать вамъ то. Когда нашъ маленькой островъ *Самосъ* принадлежалъ Грекамъ, помнится мнѣ, что заставляли меня сказывать, что *Агïонъ-Пневма* былъ произведенъ единственно отъ *Ту-Парту*; заставляли меня молиться Богу стоя на двухъ ногахъ, и сложа руки на крестъ; за-

прещали мнѣ въ постъ ѣсть молоко. А какъ Венецїяне пришли, то Патеръ мой Венецїянинъ велѣлъ мнѣ сказывать, что *Агїонъ-Пневма* происходилъ отъ *Ту-Парту* и отъ *Туйу*, позволилъ мнѣ ѣсть молоко и велѣлъ мнѣ молиться на колѣнахъ. Греки опять пришли и прогнали Венецїянъ; тогда надлежало отречься отъ *Туйу* и отъ сливокъ. Наконецъ вы прогнали Грековъ, и я слышу, что вы кричите изо всей силы: *Аллагъ илла Аллахъ*. Я больше не знаю, что я есмь; я люблю Бога отъ всего моего сердца, и продаю свои плоды весьма честнымъ образомъ.

Туктанъ.

У тебя тутъ есть прекраснѣйшїя винныя ягоды.

Карпосъ.

Мой Паша, онѣ къ вашимъ услугамъ.

Тук-

Туктанъ.

Сказываютъ, что у тебя такъ же есть пригожая дочь.

Карлосъ.

Ето правда, мой Паша; но она не къ вашимъ услугамъ.

Туктанъ.

Для чего такъ? негодной!

Карлосъ.

Для того, что я честной человѣкъ: мнѣ позволяется продавать винныя ягоды, но не дочь.

Туктанъ.

Да какимъ закономъ не позволяется тебѣ продавать сего плода?

Карлосъ.

Закономъ всѣхъ честныхъ садовниковъ; честь моей дочери не есть моя, но принадлежитъ ей; ето не товаръ.

Туктанъ.

По етому ты не вѣренъ своему Пашѣ?

Карпосъ.

Очень вѣренъ въ справедливомъ дѣлѣ, покуда вы будете моимъ повелителемъ.

Туктанъ.

Но если бы твой Отецъ Грекъ имѣлъ противъ меня злоумышленіе, и если бы онъ тебѣ именемъ Ту Парту и именемъ Туиу велѣлъ вступить въ его заговоръ, то не ужъ ли бы ты по набожности отъ того отрекся?

Карпосъ.

Я? конечно бы отрекся; въ семъ дѣлѣ былъ бы я осторожен.

Туктанъ.

Для чего же бы ты не захотѣлъ послушаться своего Отца Грека въ толь прекрасномъ случаѣ?

Кар-

Карлосъ.

Для того, что я вамъ учинилъ клятву въ повиновенiи, и что я очень знаю то, что Ту Парту никогда не приказываетъ имѣть злоумышленiй.

Туктанъ.

Я тѣмъ весьма доволенъ: но если бы по нещастiю Греки твои опять взяли островъ и меня выгнали, былъ ли бы ты мнѣ вѣренъ?

Карлосъ.

Да какъ бы мнѣ тогда быть вамъ вѣрнымъ, ибо вы уже не были бы моимъ Пашею?

Туктанъ.

А учиненная мнѣ клятва, что же была бы?

Карлосъ.

Съ нею было бы тоже, что съ моими винными ягодами, вы уже не отвѣдали бы ихъ: не правда ли

(не нарушая почтенія) что если бы вы умерли въ сей часъ, какъ я съ вами говорю, то я не былъ бы вамъ больше ничемъ обязанъ.

Туктанъ.

Предложеніе есть невѣжливое; но дѣло справедливо.

Карпосъ.

Ну, еслибъ вы были выгнаны, что было бы все равно какъ бы вы и умерли; ибо у васъ былъ бы наслѣдникъ, которому былъ бы я долженъ учинить другую клятву. Не уже ли захотѣли бы вы потребовать отъ меня такой вѣрности, которая бы вамъ ни къ чему не годилась? Сіе походилобъ на то, что если бы вы, не могши ѣсть моихъ винныхъ ягодъ, захотѣли попрепятствовать мнѣ продавать ихъ другимъ.

Туктанъ.

Ты умствуешъ. Видно у тебя есть правила?

Кар-

Карпосъ.

Да, есть по моимъ мыслямъ; ихъ немного; но для меня ихъ довольно; а еслибъ было ихъ больше, то они бы меня безпокоили.

Туктанъ.

Желалъ бы я знать твои правила.

Карпосъ.

Они въ томъ состоятъ, чтобъ напримѣръ, быть добрымъ мужемъ, добрымъ отцомъ, добрымъ сосѣдомъ, добрымъ подданнымъ и добрымъ садовникомъ; я изъ оныхъ не выступаю, и надѣюсь что Богъ меня помилуетъ.

Туктанъ.

Но думаешъ ли ты, что онъ будетъ милосердъ и ко мнѣ, правителю острова твоего?

Карпосъ.

Какъ же вы хотите, чтобъ я то зналъ? могу ли я проникнуть

въ сіе дѣло? Я въ оное никакъ не мѣшаюсь. А думаю только то, что если вы такъ же честный Паша, какъ я честный садовникъ, то и вы не будете оставлены.

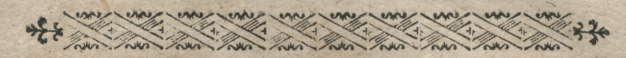
Туктанъ.

Клянусь *Магометомъ*, что я очень доволенъ симъ идолопоклонникомъ! Прости мой другъ; да сохранитъ тебя *Аллагъ*.

Карлосъ.

Спасибо. Да помилуетъ Ѳеосъ тебя, моего Пашу

Письмо

къ Милорду Честерфильду.

Изъ всѣхъ пяти чувствъ, коими человѣкъ одаренъ, одного только слуха, какъ сказываетъ Милордъ Гунтингтонъ, у васъ недостаетъ и что впрочемъ вы имѣете доброй желудокъ; но сїе не хуже того, у кого есть пара здоровыхъ ушей.

Никому можетъ быть нельзя лутче судить какъ мнѣ, которое изъ трехъ состоянїй наинесноснѣйшее, быть ли глуху, слѣпу, или имѣть разслабленной желудокъ. Я могу о сихъ трехъ предмѣтахъ судить по знанїю причинъ отъ того происходящихъ; но давно уже отрекся я судить о маловажномъ, а и того еще больше не смѣю разсуждать о вещахъ толико важныхъ. Я только тому

вѣрю, что естли въ новопостроенномъ вашемъ домѣ покои освѣщаются солнцемъ, то жизнь ваша будетъ сносна. Одного только сего и можно надѣяться въ настоящей нашъ вѣкъ, да и во всякое другое время. Цицеронъ написалъ прекрасное разсужденїе о старости; но оное не было съ самымъ дѣломъ сходно, ибо послѣднїе его годы были нещастнѣйшїе. Вы жили и долговременнѣе и благополучнѣе его: у васъ не случалось дѣла ни съ непремѣнными диктаторами ни съ трїумвирами. Вы имѣли и теперь имѣете наилутчее щастье въ сей большой лотереѣ, въ коей столь мало есть хорошихъ билетовъ, и изъ коей никому еще не достался самой большой билетъ продолжительнаго благополучїя.

Ваша философїя никогда не была разстроена суемысленными мечтами, кои нерѣдко повреждали мозгъ у людей впротчемъ здравомыслящихъ. Вы не

не шарлатанствовали никогда ни очемъ и не давались въ обманъ Шарлатанамъ; а сіе то самое и почитаю я за весьма рѣдкое достоинство, которое способствуетъ пользоваться покрайней мѣрѣ хотя тѣнью благополучія въ сей маловременной жизни. Въ прочемъ . . . . есмъ

Алхимической обманъ.

Нѣкоторой Алхимистъ Розъ-Кроа прибылъ къ Герцогу Буйльонскому, которой былъ самодержавнымъ Государемъ въ Седанѣ около 1620 года. Представъ предъ него говорилъ ему: вы Государь великой и храброй, но къ сему не достаетъ вамъ только пространнаго владѣнія. Я хочу здѣлать что вы будете гораздо больше богаты нежели Императоръ. Въ областяхъ вашихъ мнѣ нельзя пробыть долѣе какъ только два дни; ибо над-

надлежитъ мнѣ скорѣе поспѣшать въ Венецію, въ великое собраніе моихъ собратій. Но токмо сохраните тайну мною вамъ открываемую. Прикажите принесть изъ главной аптеки здѣшняго города глету, прибавьте къ тому одну грану сего моего краснаго порошка, положите все вмѣстѣ въ плавильной горшокъ и вы меньше нежели въ четверть часа получите чистое золото.

Герцогъ здѣлалъ одинъ опытъ и потомъ еще три въ присутствіи самаго Алхимиста. Розъ Кроа и скупилъ завременно у тѣхъ Седанскихъ аптекарей глетъ и примѣшавъ въ оной нѣсколько унцій золота, распродалъ оной опять по всѣмъ аптекамъ. Адептъ (вѣдающій глубочайшія таинства) отъѣзжая подарилъ весь свой превращательной порошокъ Герцогу Буйльонскому.

Герцогъ здѣлавъ изъ трехъ гранъ порошка три унціи золота, совершенно

шенно былъ увѣренъ, что съ тремя стами тысячь граней онаго, можно здѣлать три ста тысячь унцій золота и слѣдственно въ одну недѣлю будетъ имѣть тритцать семь тысячь пять сотъ марковъ не считая впредь будущей прибыли отъ таковой переплавки. Для составленія порошка требовалось времени покрайней мѣрѣ шесть мѣсяцовъ. Философъ торопился скорѣе отправиться, но у него золота не было; ибо онъ все отдалъ Герцогу. Ему нужно было имѣть ходячую монету для заведенія въ Венеціи общества Герметической (испытующей о разныхъ превращеніяхъ) философіи. Розъ Кроа былъ человѣкъ умѣренной въ своихъ желаніяхъ и въ своихъ издержкахъ; и потребовалъ только дватцать тысячь ефимковъ на свой проѣздъ. Герцогъ Буйльонской, стыдясь такъ мало его наградить, далъ ему сорокъ тысячь. Когда весь Седанской глетъ перевелся,

то и золото дѣлаться перестало; философъ больше не показался и сорокъ тысячь ефимковъ пропали.

Шарлатанъ Вилларсъ.

Въ 1728 году, во время когда былъ въ славѣ первой степени Шарлатанъ или обманщикъ Ласъ, появился новой имянемъ Вилларсъ, которой объявилъ нѣкоторымъ изъ своихъ пріятелей, что дядя его, жившей около ста лѣтъ и умершей отъ нечаяннаго приключенія, открылъ ему тайну составлять такую воду, посредствомъ которой можно продолжить жизнь до ста пятидесяти лѣтъ, и только нужно при томъ быть во всемъ воздержну. Когда случалось ему видѣть похороны умершаго, то пожималъ онъ плечами изъ сожалѣнія, сказывая: естьлибы покойникъ пилъ мою воду, не такъ бы

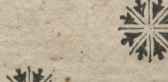
скоро

скоро онъ въ землю зарылся. Пріятели его, коихъ онъ надѣлялъ сею водою безъ платы, и кои наблюдали воздержаніе, чувствовали отъ того пользу. Когда вода его вошла въ славу, сталъ онъ продавать бутылку оной по шести Франковъ и расходъ былъ безмѣрной. А вода сія была изъ рѣки Сейны смѣшанная съ нѣкоторымъ количествомъ селитры. Всѣ пившіе оную при наблюденіи нѣкоторой воздержности, а особливо люди здороваго сложенія, получали въ короткое время совершенное исцѣленіе отъ болѣзни. Другихъ, кои не чувствовали полнаго облегченія, винилъ онъ невоздержностію и поспѣшностію, говоря, что естьли они соблюдутъ то, то покрайней мѣрѣ доживутъ до ста пятидесяти лѣтъ. Нѣкоторые изъ больныхъ исправились, а доброй Шарлатанъ накопилъ за то знатное богатство и снискалъ себѣ отличную славу. Аббатъ де Понсъ зарази-

развившїйся сею водою , превозносилъ его похвалами больше нежели Фелдмаршала Вилларса; сей, говорилъ онъ, убиваетъ людей, а вы даруете имъ жизнь.

На конецъ узнали, что вода Вилларсова была простая рѣчная вода; всѣ перестали ее пить и бросились къ другимъ подобнымъ же Шарлатанамъ.

Должно признаться что онъ дѣлалъ добро; но виноватъ только въ томъ, что слишкомъ дорого продавалъ рѣчную воду. Онъ заставлялъ людей наблюдать трезвость и тѣмъ довольно бралъ преимущества предъ аптекаремъ Арнульдомъ , которой завалилъ Европу своими травными подушечками отъ паралича , но не преподалъ лѣчащимся ни одного добраго наставленїя.

Пись-

Письмо изъ Фернея къ Князю Голицыну россійскому посланнику въ Гагѣ.

Вы оказываете великую услугу человѣческому разуму, приказавъ вторично напечатать сочиненія Г. Гелвеція. Къ опроверженію сей книги, многіе сыщутся и даже между самыми философами. Никто въ томъ не согласится, чтобъ человѣкъ со всякимъ разумомъ былъ равно способенъ къ наукамъ и что умы различествуютъ по одному только воспитанію. Это весьма несправедливо, и оная несправедливость самымъ опытомъ доказана. Чувствительныя сердца почтутъ себя оскорбленными его доказательствами о дружествѣ; да и самъ онъ конечно бы отрекся отъ тѣхъ доказательствъ, или бы покрайней мѣрѣ гораздо ихъ смягчилъ, если бы си-

стематической разумъ не вывелъ его изъ предѣлу.

Многіе можетъ быть пожелали бы, чтобъ въ семъ твореніи содержалось больше методу и поменьше повѣстей, изъ коихъ большая часть ложны. Впрочемъ все сказанное имъ о суевѣріи, о мерзости вѣронетерпѣнія, о свободѣ, о тиранствѣ и злополучіи человѣческомъ, кажется мнѣ, будетъ хорошо принято отъ всѣхъ, кромѣ однихъ невѣждъ и изувѣровъ. Кто нибудь изъ философовъ могъ бы исправить его первую книгу, но не было нужды гнать сочинителя такъ варварски, нелѣпо и прилично только гоненіямъ въ четвертомъ вѣкѣ происходившимъ. Все что изувѣры ни проклинали въ семъ любезномъ человѣкѣ, было уже до него сказано въ небольшой книжкѣ Герцога Рошефуколта и въ первыхъ главахъ книги сочиненной Локкомъ. Позволительно писать противъ философа, стараясь по-

подобно ему открыть чрезъ разныя пути истинну; но безчестно и предъ потомствомъ постыдно гнать за то сочинителя. Только недоставало Мелитусу и Анитусу поднесть стаканъ яду вашему пріятелю.

Я долженъ также благодарностію В. С. за описаніе войны происходившей между преславною Императрицею ЕКАТЕРИНОЮ II и безславнымъ Мустафою. Вы знаете, что я взиралъ на сію войну почти съ такимъ же уваженіемъ какъ и на повсемственное вѣротерпѣніе. Временемъ самая необходимость требуетъ вести войну со своими сосѣдями; но нѣтъ никакой нужды сожигать своихъ соземлянъ за спорныя доказательства. Сказываютъ будто и Папа вѣротерпѣливъ столько, сколько Папѣ быть можно; я сердечно того желаю ради блага рода человѣческаго. Желаю также, чтобъ были

были вѣротерпѣливы, Муфти, Шерифъ Мекской, великой Лама и Даири.

Я владѣю на земноводномъ шарѣ горстью земли, которая вся небольше какъ ножка у червя. На ней живутъ у меня Паписты, Калвинисты, Піетисты, нѣсколько Социніанъ и одинъ Езуитъ. Всѣ они пребываютъ между собою въ наилутчемъ согласіи, до сего по крайней мѣрѣ времени. Подобною же тишиною наслаждаются разновѣрцы и у васъ въ обширной Имперіи подъ премудрою державою Великія ЕКАТЕРИНЫ. Издавна уже разноплеменные народы наслаждаются симъ блаженствомъ въ Англіи, въ Голландіи, въ Бранденбургіи, въ Пруссіи и во многихъ городахъ Германской державы. Но почто сіе блаженство не повсемѣстно въ семъ мірѣ. По что не отвергнутъ сего неистоваго правила: *Кто съ нами не однѣхъ мыслей, да будетъ тотъ изверженъ яко мытарь и яко язычникъ.* За что ввергать въ тюрму

гостя, которой не одѣтъ въ прекрасное платье, дабы съ нами отъужинать? На что умерщвлять апоплексїею отца семейства и его супругу за то, что они отдавъ почти все свое стяжанїе Якобинамъ, оставили себѣ только нѣсколько гулденовъ на обѣдъ? Для чего? . . . Для чего? . . . Для чего? . . . Естьли бы меня спросили, для чего я столько къ вамъ привязанъ? Для того, отвѣчалъ бы я, что вы вѣротерпѣливы, справедливы, и добродѣтельны. — Прїймите благосклонно М. Г. мою чувствительнѣйшую и почтеннѣйшую признательность.

Алжиръ.

Сожалительно, что отвержены предпрїятїя Малтїйскаго ордена, которой бралъ на себя за умѣренное вспоможенїе отъ всѣхъ христїанскихъ дер-

державъ, очистить моря отъ Алжирскихъ, Мароккихъ и Туниских разбойниковъ. Тогда Малтійскіе Рыцари были бы прямые защитники христіанства. Алжирцы имѣютъ у себя только два корабля о пятидесяти, пять о сорокѣ, четыре о тритцати пушкахъ, прочихъ судовъ не должно считать.

Постыдно для Европы видѣть, что разъѣзжающія ихъ небольшія барки безпрестанно уводятъ наши купеческія корабли идущія съ товарами по Средиземному морю. Они разъѣзжаютъ и чинятъ грабительства до самыхъ Канарскихъ и Ассорскихъ острововъ.

Разноплеменныя скопища состовляютъ ихъ воинство: древніе Нумидійцы, Аравляне, Турки и самые Негры разъѣзжаютъ безъ всякаго почти припасу на шебекахъ отъ восемьнадцати до дватцати пушекъ: они покрываютъ всѣ наши моря подобно

какъ хищныя птицы ищущія себѣ добычи. Естли случится имъ увидѣть военной карабль, то они скорѣе уѣзжаютъ, а на купеческой корабль напавъ уводятъ съ собою. Наши пріятели, родственники мужескаго и женскаго полу всѣ остаются у нихъ въ рабствѣ; надлежитъ ѣхать къ варварамъ и униженно ихъ просить, чтобъ они приняли отъ насъ деньги и возвратили намъ нашихъ собратій.

Нѣкоторые христіанскіе державы къ стыду своему вступаютъ съ ними въ договоры и доставляютъ имъ оружіе, коимъ они насъ поражаютъ Съ ними договариваются по купечески, а они договариваются какъ воины.

Грабительства ихъ весьма легко пресѣчь; но о томъ не помышляютъ Какое множество есть и другихъ полезныхъ и возможныхъ дѣлъ, кои въ совершенномъ небреженіи оста-

ются! Укрощенїе сихъ разбойниковъ признается всѣми Горударями необходимо нужнымъ, но никто онаго не предпрїемлетъ.

Духовное общество о искупленїи плѣнныхъ есть наилутчее изъ всѣхъ монастырскихъ учрежденїй, но оно краине для насъ постыдно. Королевство Феҵское, Алжирское, Туниское не имѣютъ у себя Марабу о искупленїи плѣнныхъ ради того, что они у насъ уводятъ въ плѣнъ многихъ христїанъ, а мы того не дѣлаемъ съ ихъ музулманами.

Все Алжирское воинство состоитъ не больше какъ изъ двенатцати тысячь человѣкъ строевыхъ войскъ, но всѣ прочїе у нихъ суть народъ военной, а отъ того самаго и завоеванїе Алжирскаго Государства столь трудно. Однако Вандалы легко ихъ покорили, а мы не смѣемъ на нихъ и напасть.

Бась-

Басня.

Волкъ нравоучитель.

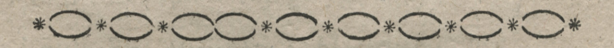
Нѣкогда вздумалось старому волку дать наставленіе своему сыну и впечатлѣть въ его памяти правила честности. Сынъ мой, говорилъ онъ ему, тебѣ опредѣлено жить въ семъ дремучемъ лѣсу подъ тѣнью листвистыхъ деревъ; тутъ можешъ ты провождать время въ забавахъ приличныхъ твоему возрасту съ медвѣдками. Будь доволенъ малымъ нажиткомъ мною для тебя скопленнымъ, не крадь иведи жизнь непорочную.

Не вступай въ дурное сообщество и избери себѣ въ друзья честныхъ волкомъ. Берегись удовлетворять жадное свое обжорство, постись лучше и не упивайся кровїю нещастныхъ барашковъ. Помысли, какое ужа-

ужасное варварство и какое боззвѣрское беззаконіе терзать сихъ невинныхъ и незлобивыхъ скотовъ. А притомъ помни, что и жизнь наша отъ того бываетъ подвержена погибели; ибо страшныя собаки стерегутъ ихъ стадо. Ахъ! печальное воспоминаніе! Нѣкогда дѣдъ твой изнуренной голодомъ пришелъ въ деревню для утоленія онаго: но едва лишъ поселяне его завидѣли, всѣ скопомъ закричали: *волкъ злодѣй, волкъ хищникъ*, бросились на него съ топорами и съ бердышами и родитель мой сколько ни огрызался, однако за свою продерзость заплатилъ головою. Научайся изъ его примѣру и, послѣдуй добродѣтели. Не грызи ни кого, буде самъ не желаеть быть угрызенъ. Естли меня любишь, обѣщайся имѣть въ омерзѣніи порокъ. Волчокъ стоявшей потупя голову въ землю, взглянулъ при сихъ словахъ на своего родителя и примѣтя что

его

его зубы были набиты овечьею шерстью а рыло обагрено запекшеюся кровью, началъ сильно смѣяться. Какъ бездѣльникъ, вскричалъ волкъ озлившійся на своего сына, ты смѣешся совѣтамъ отца своего, совѣтамъ въ твою же пользу подаваемымъ. Волчокъ съ усмѣшливымъ видомъ ему говорилъ: не сердись батюшка, я буду подражать твоимъ дѣламъ; опытной примѣръ есть лутче всякаго наставленія.

Роскошь.

Въ землѣ, гдѣ народъ ходилъ босикомъ, почитался ли тотъ за роскошнаго, кто первой здѣлалъ себѣ пару башмаковъ? Не правда ли что такой человѣкъ былъ наиразумнѣйшій и найискуснѣйшій.

Не таковъ же ли и тотъ, кто первѣе всѣхъ надѣлъ на себя рубашку? Но

Но кто выдумалъ ее бѣлить и утюжить, того надлежитъ почитать за отмѣнно разумнаго человѣка. Совсѣмъ тѣмъ не имѣвшіе обыкновенія носить бѣлыхъ рубашекъ, считали таковаго за женонравнаго богача, развращающаго своимъ примѣромъ народъ.

Не прилѣпляйтесь къ роскоши, говорилъ Катонъ Римлянамъ; вы покорили область Фазскую, но не употребляйте въ пищу Фазановъ; вы покорили страну, въ коей родится хлопчатая бумага, однако не покидайте спать на жесткой постелѣ. Вы силою оружія пріобрѣли злато, сребро, и драгоцѣнныя каменья, но не будьте столько несмысленны, чтобы все то употреблять на свои прихоти. Нуждайтесь вовсемъ, когда все себѣ захватили.

Лукуллусъ отвѣчалъ ему: другъ мой, пожелай лутче, чтобъ Крассусъ, Помпей, Цесарь и я все издерживали

на

на роскошь. Римъ долженъ быть порабощенъ; но его порабощеніе скорѣе и вѣрнѣе послѣдуетъ отъ одного изъ насъ тогда, когда мы вмѣсто издерживанія денегъ на излишества и забавы, станемъ употреблять въ помощь противъ тебя. Пожелай лутче чтобъ Помпей и Цезарь пришли въ такую бѣдность, чтобъ они не имѣли чемъ заплатить своимъ солдатамъ.

Недоразумѣніе.

Въ нѣкоторое время, когда творенія Петроніевы были въ великой славѣ, Мейбоміусъ знатной Любской ученой мужъ, начиталъ въ письмѣ напечатанномъ другимъ Болонскимъ ученымъ: „у насъ имѣется подлинный Петроній, я его видѣлъ „своими глазами и ему удивлялся.„ Мейбоміусъ въ тотъ же часъ отправляе-

вляется въ Италїю, прїѣзжаетъ въ Болонїю, сыскиваетъ библїотекаря Каппонїя, спрашиваетъ его: справедливо ли, что въ Болонїи есть Петронїй? Каппони отвѣчаетъ ему, что о томъ давно уже всему свѣту извѣстно. — Могу ли я его видѣть? Пожалуйте покажите мнѣ его. — Очень хорошо, отвѣчалъ Каппони. Онъ приводитъ его на мѣсто, гдѣ погребено тѣло покойнаго Петронїя. Мейбомїусъ досадуетъ, садится въ почтовую повозку и отправляется поспѣшно въ Любекъ.

Недоразумѣнїе въ словахъ.

Одинъ прохожей будучи на пути остановленъ рѣчнымъ протокомъ, спросилъ мужика стоявшаго вдали на другой сторонѣ онаго: которымъ мѣстомъ можно сей ручей перейти въ бродъ? поди въ правую сторону отвѣ-

отвѣчалъ ему мужикъ. Прохожей пошелъ и утонулъ. Э! нещастной! закричалъ тогда мужикъ, я тебѣ сказалъ, чтобъ ты повернулъ въ правую рука отъ меня а не отъ себя. Но тогда уже толкованіе сїе было поздо; ибо прохожей отъ недоразумѣнія словъ пошелъ на дно.

Сказанїе.

Нѣкоторой Аглицкой купецъ именемъ Инклъ находясь на матерой землѣ въ Америкѣ былъ въ крайней опасности и едва не былъ взятъ въ плѣнъ дикими Караибами. Ярика, молодая и прекрасная дѣвица Караибская, спасаетъ его жизнь и уходитъ съ нимъ въ Барбаду, По прїѣздѣ Инклъ ведетъ свою избавительницу на торжище для продажи. Ахъ неблагодарной! ахъ варваръ! сказала она, ты хочешь меня продать, не

видишь ли что я отъ тебя беременна. Беременна! говорилъ Агличанинъ, тѣмъ лутче, за то я дороже тебя продамъ.

Сова и Соловей.

Сова питающаяся въ своемъ дуплѣ мышами, сказала нѣкогда соловью: перестань пѣть подъ тѣнью сихъ прекрасчыхъ древесныхъ вѣтвей, поди въ мою нору, я тебя съѣмъ. Соловей отвѣчалъ ей: я родился для того чтобъ здѣсь пѣть и надъ тобою смѣяться, ха, ха, ха.

Басенька

Юпитеръ и Ослы.

Нѣкогда Юпитеръ повелѣлъ, чтобъ всѣ рабочїе скоты были подкованы. Лошади, лошаки и верблюды въ тоже время приказанїе его исполнили; одни только ослы тому воспротивились; они представляли на то разныя причины, кричали своимъ несноснымъ крикомъ и продолжали оной до тѣхъ поръ, пока наконецъ услышалъ ихъ доброй Юпитеръ. *Изрядно, вѣрные мои ослы,* сказалъ онъ имъ, *пускай будетъ по вашему желанїю; я больше неприневоливаю васъ ходить въ подковахъ; но кто изъ васъ спотыкнется, тотъ получитъ за то сто ударовъ палкою.*

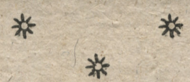
* * *

Анекдотъ.

Великой Теодорикъ послѣдователь Арїанской ереси имѣлъ у себя

 лю-

любимцемъ одного католика, коего онъ весьма жаловалъ и содержалъ у себя въ особливой довѣренности. Католикъ желая еще большую милость снискать у Теодорика, обьявилъ ему желанїе быть послѣдователемъ Арїанскаго раскола. Теодорикъ отсѣкъ ему голову, сказавъ: *подлая и недостойная душа! можешъ ли ты пребыть въ вѣрности мнѣ смертному человѣку, когда отрекаешся быть вѣрнымъ Богу.*

Повѣсть

о Елисаветѣ Канингъ.

Въ 1753 году былъ я въ Лондонѣ, какъ приключенїе молодой Елисаветы Канингъ толико шуму надѣлало. Елисаветы цѣлой мѣсяцъ не было въ домѣ ея родственниковъ; она пришла назадъ тощая, поху-

похудѣлая, и платье на ней было изорваное. Ахъ, боже мой! въ какомъ ты состоянїи возвратилась! гдѣ ты была? отъ куда ты пришла? что съ тобою сдѣлалось? Ахъ! тетушка, я шла домой чрезъ *Морфилдъ*, какъ два сильные бродяги повалили меня наземь, ограбили и отвели въ нѣкоторой домъ за десять миль отъ Лондона.

Тетка и сосѣдки при разсказыванїи сего плакали. Ахъ! мое любезное дитя, не къ подлой ли Мадамѣ Вебъ отвели тебя сїи разбойники? она дѣйствительно за десять миль отъ сюда живетъ. Да, тетушка къ Мадамѣ *Вебъ*. Въ большой домъ на право? Точно такъ, тетушка. Тогда сосѣдки описали Мадамъ *Вебъ*; и молодая *Канингъ* согласилась, что сїя женщина подлинно была такова, какъ они сказывали. Одна изъ нихъ сказала дѣ-

вицѣ *Канингъ*, что у сей женщины во всю ночь играютъ, и что ето мѣсто опасное, гдѣ молодые люди теряютъ свои деньги. *Ахъ! подлинно мѣсто опасное*, отвѣчала *Елисавета Канингъ*. Тамъ еще и того гораздо хуже дѣлается, сказала другая сосѣдка: сїи два бродяги, двоюродные братья Мадамы *Вебъ* захватываютъ по большимъ дорогамъ всѣхъ молоденькихъ дѣвочекъ, кои имъ на встрѣчу попадаются, и морятъ ихъ хлѣбомъ да водою до тѣхъ поръ, пока онѣ бываютъ принуждены предаться игрокамъ, кои въ сей домъ скопляются. Ахъ! не былаль и ты, моя любезная племянница, посажена на хлѣбъ и на воду? *Да, тетушка.* У нее спрашиваютъ не обольстилиль ее сїи два бродяги, и не обезчестилиль ее? Она отвѣчаетъ, что она защищалась, что ее угнѣтали побоями, и что

ея

ея жизнь была въ опасности. Тогда тетка и сосѣдки опять начали кричать и плакать.

Тотъ часъ отвели маленькую *Канингъ* къ Господину *Адамсону*, давнешнему покровителю сей фамиліи: онъ былъ предоброй человѣкъ имѣвшій великую силу въ своемъ приходѣ. Онъ садится на лошадь съ однимъ изъ своихъ пріятелей столь-же усерднымъ какъ и онъ; ѣдутъ осмотрѣть домъ Мадамы *Вѣбъ*; они глядя на него не сомнѣваются больше, что дѣвица была тамъ заперта; судятъ такъ же, увидя небольшое гумно, гдѣ лежало сѣно, что въ сей самой житницѣ держали *Елисавету* въ заперти. Сожалѣніе добродушнаго *Адамсона* отъ того усугубилось; онъ по возвращеніи своемъ заставляетъ *Елисавету* подтвердить что она тамъ дѣйствительно была держана; возбуждаетъ всю

 окре-

окрестность: дѣлаютъ подписку въ пользу молодой толь жестоко обиженной дѣвицы.

Чемъ больше молодая *Канингъ* получала прежнюю свою дородность и красоту, тѣмъ паче оказывали ей всѣ свое усердїе. Господинъ *Адамсонъ* заставляетъ принести *Шерифу* жалобу именемъ обиженной невинности. Мадамъ *Вебъ* и всѣ ея домашнїе, спокойно живущїе въ своемъ загородномъ домѣ, взяты подъ стражу и всѣ посажены въ тюрму.

Господинъ *Шерифъ* дабы лучше освѣдомиться о точности дѣла, зазываетъ ласкою къ себѣ молодую служанку Мадамы *Вебъ*, и уговариваетъ ее убѣдительными словами, чтобъ сказала все то, что она знаетъ. Служанка, которая ни когда въ жизни своей не видала дѣвицы *Канингъ*, ниже о ней слышала, сперьва отвѣчала искренно, что она ниче-

го

го о томѣ не знаетѣ, о чемѣ ее спрашиваютѣ. Но когда *Шерифѣ* сказалѣ ей, что она должна будетѣ отвѣтствовать предѣ судомѣ, и что ее непремѣнно повѣсятѣ, если она не признается, то она все то сказала, чего отѣ нее домогались: наконецѣ присяжные собрались, и девять человѣкѣ были приговорены кѣ веревкѣ.

По щастїю вѣ Англїи ни какое тяжебное дѣло не хранится вѣ тайнѣ, поелику наказанїе преступленїй опредѣлено для всеобщаго людямѣ наставленїя, а не для единаго частнаго мщенїя. Всѣ допросы дѣлаются при растворенныхѣ дверяхѣ, и всѣ важные тяжбы бываютѣ напечатаны вѣ журналахѣ.

Вѣ таковыхѣ дѣлахѣ бываетѣ еще и большая предосторожность. Вѣ Англїи сохранили древнїй Фран-

цузскій законъ, который никакого преступника не позволяетъ наказывать смертію, пока дѣло не будетъ представлено Королю и пока самъ онъ не подпишетъ о томъ приговора. Сей толь премудрый, толь человѣколюбивый, толь нужный законъ былъ наконецъ приведенъ въ забвеніе во Франціи, какъ и многіе другіе; но оный наблюдается почти во всей Европѣ, въ Россіи и въ Китаѣ, въ семъ древнемъ нравоучительномъ отечествѣ обнародовавшемъ божественные законы прежде, нежели Европа имѣла обычаи.

Время наказанія девяти обвиненныхъ приближалось, какъ бумага, кою называютъ *Засѣданіями*, попала въ руки одного Философа, называемаго господиномъ *Рамзеемъ*. Онъ прочелъ процесъ и нашелъ его съ одного до другаго конца вздорнымъ. Сіе чтеніе раздражило его; онъ написалъ

писалъ листъ, въ коемъ полагаетъ правиломъ, что перьвая должность присяжныхъ въ томъ состоитъ, чтобъ имѣть здравой разсудокъ. Онъ показалъ, что Мадамъ *Вебъ* и ея два двоюродные брата и всѣ прочiе домашнiе были здѣланы изъ другаго тѣста, нежели другiе люди, если они сажали на хлѣбъ и на воду маленькихъ дѣвицъ въ томъ намѣренiи, чтобъ ихъ отдать на поруганiе; что напротивъ того они были должны кормить ихъ хорошо, и украшать ихъ, чтобъ онѣ были прiятны; что торгующiе не мараютъ и не раздираютъ того товара, которой они хотятъ продать. Онъ доказалъ, что никогда дѣвица *Канингъ* не была въ семъ домѣ, что она только повторяла то, въ чемъ по невѣжеству тетка ее надоумливала; что добродушной *Адамсонъ* по безмѣр-

ному

ному усердїю произвелъ сїе смѣшное уголовное дѣло; что наконецъ оное чуть было жизни не стоило девятерымъ гражданамъ, по тому что дѣвица *Канингъ* была пригожа, и что она солгала.

Служанка, которая изъ угожденїя призналась *Шерифу* во всемъ томъ, что не было справедливо, не могла запереться въ словахъ своихъ предъ судомъ. Кто учинилъ ложное свидѣтельство отъ изступленїя или отъ боязни, тотъ обыкновенно подкрѣпляетъ оное и лжетъ, боясь чтобъ непрослыть лжецомъ.

Напрасно, говоритъ Рамзей въ своемъ возраженїи, законъ повелѣваетъ по свидѣтельству двухъ человѣкъ, повѣсить обвиняемаго. Если бы двѣ знатнѣйшїе особы стали утверждать, что они видѣли какъ я умертвилъ своего отца и мать и съѣлъ ихъ за завтрекомъ въ полъ чет-

четверть часа, что скорѣе надлежало бы посадить ихъ въ домъ сумашедшихъ, нежели меня сжечь по таковому ихъ безумному доносу. Если взять съ одной стороны нелѣпое и невозможное дѣло, а съ другой поставить тысячу свидѣтелей и тысячу разбирателей, невозможность должна опровергнуть свидѣтельства и пустословія.

Сей маленькой листъ просвѣтилъ глаза господину Шерифу и присяжнымъ. Они были принуждены пересмотрѣть процесъ: было доказано, что дѣвица *Канингъ* была маленькая плутовка, которая ходила родить между тѣмъ какъ утверждала, что была она въ заперти у Мадамы *Вебъ*. Весь городъ Лондонъ державшій сторону ея, былъ столькоже устыженъ какъ и въ то время, когда обманщикъ объявилъ, что онъ влѣзетъ

въ двукружечную бутылку и когда по собранiи двухъ тысячь народу на сiе зрѣлище, унесъ онъ деньги и оставилъ имъ одну свою бутылку.

Станется, что обманулись въ нѣкоторыхъ сего произшествiя обстоятельствахъ; но главныя истинными признаны отъ всей Англiи.

Разсужденiе
о
болѣзни и лѣкарствѣ.

Я полагаю что одна прекрасная Принцесса, которая никогда неслыхала объ анатомiи, занемогла отъ многояденiя, отъ чрезмѣрнаго танцованья, отъ излишней безсонницы, и отъ неумѣреннаго упражненiя, въ какомъ бываютъ многiя Принцессы; полагаю, что врачь ея ей скажетъ: Милостивая государыня,

ня, чтобъ вамъ быть здоровою, надобно чтобъ всѣ влажности разливались порядочно и безпрепятственно во всѣхъ вашихъ нѣжныхъ жилахъ и напаяя тѣло, питали бы ево своею здоровою влагою, подобно какъ чистая вода питая своимъ орошенїемъ землю, утучняетъ ее и споспѣшествуетъ изобилїю и добротѣ растущихъ на ней прозябенїй. Надобно, чтобъ ваше сердце сжималось и разширялось съ силою всегда равною, и чтобъ вся ваша кровь, которую оно при такомъ своемъ бїенїи разливаетъ по вашимъ артерїамъ, обращалась въ оныхъ и въ кровоносныхъ жилахъ около шести сотъ разъ въ сутки.

Сїя кровь обращаясь съ большимъ стремленїемъ нежели рѣка Ронъ, должна во время своего теченїя оставлять то, отъ чего составляются разновидныя влажности, какъ то

желчь

желчь и проч. Отъ орошенія здоровою влагою, кожа тѣла вашего бываетъ нѣжна, бѣла и румянна; а безъ того была бы она желтосѣрая, сухая и наморщенная какъ старой паргаминъ.

Принцесса.

Изрядно, Государь мой, Король вамъ заплатитъ за то чтобъ вы мнѣ все то здѣлали; постарайтесь распрелѣлить всѣ сіи вещи по своимъ мѣстамъ и учредить, чтобъ мои влажности обращались такимъ образомъ, чтобъ я была здорова и довольна. Я вамъ объявляю, что я никогда не хочу страдать.

Врачъ.

Милостивая Государыня, извольте объявить таковыя ваши желанія управляющему натурою. Еди-

Единая сила обращающая тысячи миліоновъ планетъ и кометъ около миліоновъ солнцевъ, опредѣлила какимъ образомъ должна обращаться ваша кровь.

Принцесса.

Какъ! Вы врачь и вы мнѣ ничего не можете дать?

Врачь.

Нѣтъ, Милостивая Государыня, мы у васъ только отнять можемъ. Къ Натурѣ ничего не прибавляютъ. Ваши служители вычищаютъ ваши палаты; но Архитекторъ оные построилъ; если Ваша Свѣтлость излишно кушали, я могу очистить вашъ желудокъ *кассіею*, *манною*, и *Александрійскимъ листомъ*; такой вѣникъ я употребляю и очищаю ваши слюзы. Если у васъ ракъ, я вамъ вырѣзываю грудь, но не могу вамъ ее возвратить. Если у васъ въ мочевомъ пузырѣ камень, я

васъ могу отъ онаго освободить посредствомъ моего инструмента; и я вамъ причиняю гораздо менѣе боли, нежели мущинамъ: я вамъ отрѣзываю одну ногу зараженную Антоновымъ огнемъ, и вы ходите на другой. Словомъ сказать, мы всѣ врачи совершенно походимъ на зубоврателей; они васъ освобождаютъ отъ поврежденнаго зуба, и не могутъ онаго другимъ здоровымъ замѣнить, какъ бы въ прочемъ ни умѣли они искусно обманывать.

Принцесса.

Вы меня приводите въ трепетъ. Я думала, что врачи всѣ болѣзни вылѣчиваютъ.

Врачъ.

Мы вѣрно вылѣчиваемъ всѣ тѣ, которые сами отъ себя вылѣчиваются. Таковы суть вообще болѣзни внутреннїе и внѣшнїе раны, выключая только малое число изъ

онымъ

оныхъ. Одна натура исцѣляетъ тѣ, кои не смертельны. А тѣ, кои смертельны, ни какимъ искусствомъ не могутъ быть излѣчимы.

Принцесса.

Какъ! не уже ли въ томъ одномъ заключаются и всѣ оные таинства для очищенія крови, о коихъ сказывали мнѣ мои собесѣдницы! Не уже ли тоже дѣйствіе имѣетъ жизненный бальзамъ Господина *Ле-Льевре*, травные подушечки Господина *Арнольда*, и всѣ оные пилюли, выхваляемыя ихъ горничными служанками?

Врачъ.

Всѣ оныя изобрѣтенія вымышлены для полученія денегъ и для обольщенія больныхъ между тѣмъ, какъ одна натура дѣйствуетъ.

Принцесса.

Но я думаю, что есть надежныя лѣкарства.

Врачъ.

Да, Милостивая Государыня, они такъ надежны, какъ та вода дѣлающая людей молодыми, о коей въ сказкахъ разсказываютъ.

Принцесса.

Въ чемъ же состоитъ Врачебная наука?

Врачъ.

Я вамъ уже сказалъ, что она состоитъ въ томъ, чтобъ убирать, вычищать, держать въ опрятности домъ, коего нельзя вновь построить.

Принцесса.

Однако жъ есть вещи однѣ полезныя, другія вредныя.

Врачъ.

Вы всю тайну отгадали. Кушайте, и притомъ умѣренно то, что опытомъ вы знаете, что вамъ не вредитъ. Для тѣла все то хорошо, что желудокъ варитъ. Какое вамъ лѣкарство можетъ къ варенію

спо-

способствовать? движенїе. Какое силы ваши поправитъ? сонъ. Какое уменшитъ неисцѣлимые болѣзни? терпѣнїе. Что можетъ перемѣнить худое сложенїе? ни что. Во всѣхъ жестокихъ болѣзняхъ мы имѣемъ только *Мольерово* лѣкарство: *seignare, purgare,* и если угодно *clisterium donare* (*кровь пускать, слабительное давать, клестиръ наставлять*). Четвертаго нѣтъ. Все сїе, какъ я уже вамъ сказалъ, ни что иное есть, какъ чищенье дома, къ коему не можемъ мы прибавить деревяннаго гвоздя. Все искуство состоитъ въ томъ, что будетъ здѣлано къ спатѣ.

Принцесса.

Вы не прикрашиваете вашего товару. Вы честный человѣкъ. Если бы я была Королевою, я сдѣлала бы васъ моимъ перьвымъ врачемъ.

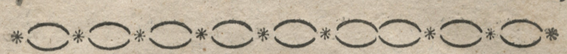
Врачь.

Пускай Вашимъ первымъ врачемъ будетъ натура. Она все дѣлаетъ. Посмотрите на тѣхъ, кои до ста лѣтъ жили, ни одинъ изъ нихъ не былъ врачемъ. Французскій Король похоронилъ уже десятковъ съ четыре своихъ врачей какъ главныхъ, такъ простыхъ, и самыхъ искусныхъ.

Принцесса.

А я навѣрно думаю, что я тебя такъ же похороню.

Упреки за роскошь.

Случилось не давно, что одинъ Норвежецъ упрекалъ Голландца за роскошь, говоря: куда ушло, то драгоцѣнное время, въ которое бывало гостинодворецъ отъѣзжая изъ Амстердама въ Индїю, оставлялъ въ своей поварнѣ четверть копченаго быка и возвратясь еще заставалъ остатки онаго? Куда дѣвались старинные ваши деревянныя ложки и желѣзныя вилки? и не стыдно ли благоразумному Голланцу спать на мягкой постелѣ? Поѣзжай въ Батавїю, отвѣчалъ ему Амстердамецъ, наторгуй такъ какъ я десять бочекъ золота, тогда увидишь, не родится ли у тебя желанїе хорошо одѣваться, хорошо ѣсть и хорошо жить.

Прохожей и Попрошайка.

Одинъ молодой нищей изъ селенія лежащаго близъ Мадрита встрѣтя прохожаго на пути, просилъ у него съ видомъ благороднымъ милостыни. Прохожей досадуя, что молодой дѣтина бродитъ попрошайкою, сказалъ ему: нестыдно ли тебѣ мой другъ упражняться въ такомъ бѣдномъ ремеслѣ въ такихъ лѣтахъ, когда ты въ силахъ достать себѣ пропитаніе работою? Милостивой государь, отвѣчалъ ему нищей, я у васъ прошу денегъ, а не совѣтовъ; и оборотясь къ нему спиною, пошелъ отъ него прочь съ видомъ важнаго Кастиланца.

Ска-

Сказанiи.

1.

Волтерѣ увидя вѣ окно, что ворѣ ломаетѣ у него двѣри и позираетѣ вокругѣ себя, нѣтѣ ли кого посторонняго, закричалѣ ему: не робѣй, другѣ мой, ломай, я хозяинѣ дому.

* *

*

2.

Нѣкто спросилѣ Волтера вѣ насмѣшку: что лутче, золото или добродѣтель? Волтерѣ отвѣчалѣ ему на то: для такова разумнаго каковѣ ты золото лутче, а для нашего брата дурака и то и другое хорошо.

* *

*

3.

Сколько есть на свѣтѣ такихъ мудрецовъ каковъ Волтеръ, спросилъ одинъ насмѣшникъ своего сосѣда при Волтерѣ. Столько, отвѣчалъ со стороны Волтеръ; сколько есть такихъ дураковъ какъ ты.

4.

Нѣкогда спросили Волтера: знаешъ ли ты, кто твои непрїятели? Всѣ тѣ, отвѣчалъ онъ, кто правды не любитъ.

5.

Дюмуленъ славной врачь умирая въ присутствїи своихъ прїятелей и друзей сказалъ: я оставляю вамъ по себѣ двухъ знатныхъ врачей, дїэту и рѣчную воду.

* * *

Сказанïе о Аравïйскомъ мудрецѣ Локманѣ.

Аравïйскïй мудрецъ Локманъ получа отъ рабства свободу, вступилъ въ службу къ царю Давыду. Онъ предался умствовательной жизни и упражнялся особливо въ познанïи премудрости. Доброе его поведенïе и честныя правила привели его у всѣхъ въ знанïе и въ славу. Нѣкогда одинъ Израильтянинъ видя его окруженна слушателями, коимъ преподавалъ онъ наставленïе и удивляясь его мудрости, спросилъ: не онъ ли тотъ пастухъ, которой недавно приведенъ сюда изъ Іерусалима? Такъ, отвѣчалъ Локманъ, я тотъ самой пастухъ. Израильтянинъ спросилъ его какимъ образомъ достигъ онъ до такой высокой премудрости и добро-

дѣтели? Чрезъ три посредства, отвѣчалъ философъ: во первыхъ, сказывая всегда правду; во вторыхъ, храня ненарушимо свое слово; и третье, немѣшаясь ни во что, до меня непринадлежащее. Вопросили его: отъ кого научился онъ премудрости? Отъ слѣпыхъ, отвѣчалъ онъ, которые для безопасности своей всегда ходятъ съ ощупью. По сходству нравоученій сего Локмана съ Соломоновыми, многіе писатели почитаютъ ихъ обоихъ за одного человѣка; другіе думаютъ, что отъ Соломона таковыя нравоученія занялъ сей Аравлянинъ Локманъ, а отъ него Индіянинъ Пилпай и Грекъ Езопъ.

Хитрость открывшая кражу.

Одинъ Аглицкой врачь Броунъ упражнявшійся въ своей профессіи въ Барбадѣ, имѣлъ сахарной заводъ, на ко-

которомъ работали Негры. Случилось, что украли у него знатную сумму денегъ; онъ собравъ всѣхъ Негровъ началъ имъ говорить : друзья мои, великой змѣй явился мнѣ ночью и обьявилъ, что у вора похитившаго мои деньги, выйдетъ сей часъ на концѣ носу попугаево перо. Виноватой тотчасъ хватился за носъ. Ты укралъ у меня деньги, сказалъ ему Броунъ, великой змѣй на тебя показалъ. Негръ повинился; и посредствомъ таковой хитрости кража была отыскана.

Совѣтъ мошеннику.

Одинъ мошенникъ залѣзъ въ карманъ Волтеру когда сей шелъ по площади въ толпѣ народа. Волтеръ схватя его за руку, спросилъ: чего тебѣ надобно? Того, отвѣчалъ смѣло воръ, что въ карманахъ лежитъ.

Вол-

Волтеръ вынувъ изъ того же кармана бумажку стиховъ, сказалъ: изволь, другъ мой, я вижу, ты охотникъ до стихотворства; но пожалуй брось эту дурную склонность, а примись лучше за другое какое ниесть ремесло, которое не такъ головоломно.

Сказанïи.

Волтеръ, получа отъ своего Амстердамскаго Казначея извѣстïе, что нѣкоторой его комисïонеръ Лефевръ бѣжалъ и унесъ изъ его суммы двѣ тысячи франковъ, написалъ къ нему въ отвѣтъ: *сей годъ для меня нещастливъ, надобно научаться терпѣнïю; мы всѣ для того родимся.*

* * *

Президентъ Берлинской академïи Мопертюи прислалъ Волтеру въ подарокъ сочиненную имъ книгу подъ заг-

заглавіемъ: *о видѣ или образѣ небесныхъ свѣтилъ*. Сей получа оную написалъ ему между прочимъ въ отвѣтъ: *я читалъ новосочиненную вашу книгу съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ молодыя дѣвушки читаютъ любовныя повѣсти, а набожныя слушаютъ поученія*.

* * *

Волтеръ получа отъ Ж. Ж. Руссо сочиненную имъ рѣчь: *о неравенствѣ между людьми*, въ коей сравнивалъ онъ человѣка по физическому его сложенію съ прочими животными, написалъ къ нему между прочимъ въ отвѣтъ: *нельзя употребить больше разума на претвореніе людей въ скотовъ; я читая вашу книгу, чувствую самъ охоту ходить по скотски на четырехъ лапахъ*.

* * *

Общество ученыхъ людей во Франціи въ знакъ уваженія и справедливости отдаваемой высокому разуму Во-

Волтера, соорудило ему статую, на подножїи которой была поставлена слѣдующая надпись: *Статуя сооруженная за жизни Волтеру отъ ученыхъ собратїй его соземлянъ.*

* * *

Президентъ Мопертюи встрѣтясь нѣкогда въ Берлинѣ съ Волтеромъ спросилъ его: какъ вамъ кажется моя новая книга? Очень прїятна, отвѣчалъ ему Волтеръ; но въ ней есть нѣсколько темныхъ мѣстъ. Темныхъ! мѣстъ! сказалъ ему съ запальчивостїю и негодованїемъ Мопертюи. Волтеръ примѣтя въ немъ горячность, поглядѣлъ на него пристально, и положа свою руку ему на плечо, сказалъ: *Г. Президентъ, я васъ почитаю, вы храбры. вы хотите вступить въ битву.*

* * *

Волтеръ будучи безпрестанно въ ссорѣ съ президентомъ Мопертюи,

ко-

котораго Пруской Король весьма жаловалъ, написалъ противъ него ругательное сочиненїе подъ заглавїемъ *Акакїа* и прочитавъ Королю, просилъ о дозволенїи оное напечатать: Королъ сїе ему позволилъ. Но когда оно вышло въ свѣтъ, то всѣ экземпляры были забраны и сожжены Король не ожидая чтобъ Волтеръ дѣйствительно обнаружилъ свое сердце противъ Мопертюи изданїемъ онаго сочиненїя, весьма за то на него прогнѣвался, а Волтеръ неожидая, чтобъ съ дозволенїя напечатанное сочиненїе такъ худо было принято, чувствовалъ великую досаду и не хотѣлъ больше почитать Фридриха II королемъ-философомъ. Онъ выходя изъ покоевъ королевскихъ, сказалъ придворному служителю: *другъ мой, избавь меня отъ сихъ постыдныхъ знаковъ рабства*: (разумѣя пожалованной ему орденъ *заслугъ* и ключь камергерской:) другїе объявляютъ, что онъ выходя

отъ

отъ Короля съ крайнимъ огорченiемъ; повѣсилъ всѣ оные кавалерскiе знаки на ключѣ у дверей королевскаго покоя.

Послѣ сего спустя нѣсколько времени примирившись съ Королемъ, явился онъ опять во дворцѣ, держа въ рукѣ оное свое сочиненiе *Акакiа*. Подошедъ къ камину, возлѣ коего Король сидѣлъ, бросилъ оное въ огонь говоря и повторяя: *Вотъ, Государь, окончанiе той пагубной книги, которая лишила меня вашей дружбы.* Король вскоча, старался вынуть ее изъ огня, а Волтеръ схватя щипцы бросилъ ее далѣе. Но Король сожегши пару манжетъ выхватилъ ее изъ огня, сказавъ: вотъ Г. Волтеръ чего твоя книга мнѣ стоитъ.

ВРЕМЯ.

* * *

Пространство смѣренно Уранїи рукою,
Душею существо обьемлемо одною,
Невидимо вѣковъ теченїе и дней,
Влекущу власть твою ко гробу ощущаю;
Но прежде нежели писати я дерзаю,
Хочу простерть мой взоръ ко быстротѣ твоей.

* * *

Кто мнѣ откроетъ часъ, что зрѣлъ твое рожденье?
Постигнетъ ли чей умъ твое происхожденье?

Знать смѣжно съ вѣчностью зачатїе
твое.
Когда еще ничто не было учреж-
денно,
Во мрачной глубинѣ той бездны по-
гребенно
Бездѣйственное ты имѣло бытїе.

* * *

Хаоса вѣчнаго врата вострепетали,
Возженныхъ вдругъ свѣтилъ огни всѣ
возблистали,
Родилось ты . . . Законъ былъ выш-
нимъ данъ тебѣ,
Онъ рекъ: *движенїе тебя да измѣряетъ.*
Къ природѣ гласъ склонивъ, Предвѣч-
ный ей вѣщаетъ:
*Се время часть твоя, да будетъ вѣчность
мнѣ.*

* * *

Таковъ Всевышнїй ты! . . лѣтъ океанъ
пространный
Объемлетъ бренный сей тобою мїръ
созданный,
Не

Не приближаяся престола твоего,
Текущихъ множество и дней и лѣтъ несчетно
И слѣдующее вѣковъ число безсмѣтно,
Подобно какъ ничто предъ окомъ есть его.

* * *

Но житель бѣдственный я праха сей громады,
Противу времени вотще ищу преграды;
Полѣтъ его меня и гонитъ и тѣснитъ.
Едину точку я пространства упражняю,
И ту я изъ подъ стопъ колеблемыхъ теряю;
Мой изумленный духъ и ту убѣгшу зритъ.

* * *

Все представляетъ мнѣ здѣсь образъ разрушенья;
Мой устрашенный глазъ лишь зритъ опустошенья;

Гроб-

Гробницы ветхія покрыты мохомъ
здѣсь,
Разрушенны столпы, повергнуты ограды;
Огнемъ пожранныя велики тамо грады;
Я времяни слѣдовъ зрю свѣтъ исполненъ весь.

* * *

Стихіи, небеса, земля, въ его все
власти . . .
Но какъ рука его вселенную на части
Во тьмѣ безмолвія разрушити спѣшитъ;
На пламенныхъ крылахъ тогда превознесенна
Отъ свѣта мысль моя далеко устремленна
По взрытымъ отъ времянъ развалинамъ паритъ.

* * *

Минувшія вѣка! и коимъ впредь родиться!
Дерзаю звать я васъ, спѣшите вы явиться,

Въ сей часъ собраться вамъ повелѣваю я.
Безчисленность времянъ неробко протекаю,
На настоящее оковы налагаю,
Въ предбудущемъ живетъ отважна мысль моя.

* * *

Палящимъ бѣгомъ дня свѣтило истощенно,
Узритъ огней своихъ утрату постепенно,
И ветхія міровъ пружины сгніютъ.
Какъ камни съ трескомъ съ горъ свергаются въ долины,
Такъ звѣзды нѣкогда въ день общія кончины
Потрясшись тысящьми во бездну ниспадутъ.

* * *

Власть паки вѣчности тогда возобновится,
Въ ней время какъ ручей безсильный погрузится,

Все

Все поглощающій пожретъ то Океанъ.
Избѣгша отъ вѣковъ душа моя нетлѣнна
Единая она пребывъ непораженна
Разрушенныхъ міровъ той будетъ гробъ попранъ.

* * *

Моря, великій Богъ, тобою заключенны;
Подобно и временамъ предѣлы учрежденны;
Тьмѣ вѣчной нѣкогда ты повелишь настать,
Когдажъ твореніе все будетъ разрушенно,
Ты вѣдаешъ единъ, отъ насъ то сокровенно;
Въ часъ гибели своей міръ долженъ то узнать.

* * *

Мѣдь содрагаяся, какъ слухъ вашъ поражаетъ
И бѣгъ когда часовъ, вамъ смертный возвѣщаетъ;

Да

Да знакъ ужасный сей въ васъ чувства устрашитъ.
Душа моя отъ сна симъ звукомъ возбужденна
И ухо приклонивъ, дрожаща, изумленна,
Гласъ смерти самыя внимати страшный мнитъ;

* * *

Какимъ безумїемъ вы смертны ослѣпленны!
Единый часъ лишь жить и мыслить вы сужденны;
И тотъ летящїй часъ есть тяжко бремя вамъ.
Какъ только знать себя лишь смертный начинаетъ,
Имѣнїе храня, животъ свой расточаетъ;
И призывая смерть, свой гробъ готовитъ самъ.

* * *

Иной подъ тяжестью столѣтїя нагбенный
Ставъ отъ рожденья мертвъ, влачитъ свой вѣкъ презрѣнный;
Спо-

Тотъ гнусну жизнь свою за злато
продаетъ,
Иной ее въ играхъ зловредныхъ изну-
ряетъ,
Богатой роскошью дней скуку про-
гоняетъ
И тратя жизнь, всякъ мнитъ, что
щастливо живетъ,

* * *

О смертные! сіе отбросьте заблуж-
денье!
Душею мы живемъ, душа есть раз-
мышленье;
Вамъ ею времена довлѣетъ измѣрять.
Наукѣ жить съ собой высокой научаясь
Премудры будьте вы; тогда не ужа-
саясь
Вамъ можно будетъ всѣ часы свои
считать.

* * *

Коль златомъ нѣкогда прельщенъ я
столько буду,
Свободу что продамъ, коль честность
позабуду
И

И чувствами мой духъ коль будетъ
разслабленъ,
О время! предвари тогда мою кончину!
Спѣши меня сразить, сверши мою судьбину;
Удобнѣй мертву быть, чѣмъ жить
когда презрѣнъ.

* * *

Но добродѣтели коль пламень толь
священный
Въ писаньяхъ нѣкогда моихъ изображенный,
Проникнувъ до сердецъ быть можетъ
размноженъ,
Коль друга моего мной скорби облегчатся,
Невинные коль гдѣ безъ помощи томятся
И оныхъ прекратить печали я сужденъ

* * *

О время! Не стремись, почти мою
ты младость,
Да рождша мя со мной дней многихъ
вкуситъ сладость
Прïе-

Пріемля отъ меня мзду нѣжности своей,
Почтенья и любви да будетъ та свидѣтель.
А вы безсмертные! о слава! добродѣтель!
Да вами красятся дни старости моей.

ОГЛАВЛЕНІЕ

страни:

Индѣйское приключеніе - - - - 1

Споръ между Туркомъ и Европейцомъ - - - - - - - - - - 11

Разговоръ Паши съ садовникомъ Карпомъ - - - - - - - - - - 17

Письмо къ Милорду Честерфильду 25

Алхимической обманъ - - - - - 27

Шарлатанъ Вилларсъ водопродавецъ 30

Письмо изъ Фернея къ князю Голицыну - - - - - - - - - - - 33

Алжиръ - - - - - - - - - - 37

Басня волкъ нравоучитель - - 41

Роскошь - - - - - - - - - - 43

Недорозумѣніе - - - - - - - 45

Недоразумѣніе въ словахъ - - 46

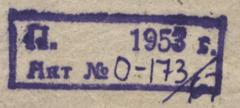
Сказаніе о Инклѣ и Ярикѣ - - 47

Сова и соловей - - - - - - - 48

Басенька Юпитеръ и ослы - - 49

страи.

Анекдотъ о Теодорикѣ - - - - 49
Повѣсть о Елисаветѣ Канингѣ - 50
Разсужденїе о болѣзни и лѣкарствѣ 60
Упреки за роскошь - - - - - - 69
Прохожеи и попрошайка - - - 70
Сказанїи о Волтерѣ - . - - 71
Сказанїи - - - - - - - - - - 72
Аравїйской мудрецъ - - - - 73
Хитрость открывшая кражу - 74
Совѣтъ мошеннику - - - - - 75
Разныя сказанїи - - - - - - 76
Время - - - - - - - - - - - - 81

ВП53-786/1

58

ЛЕНКНИГОТОРГ
40 р. к
Магазин-АБУК
Квит. № 11900
195 г.

40

VII

160
X

18.256.3.47a